

Скрытый анализ
Фальшь

Напряжение
Контроль

Имитация радости
Лживая улыбка

ЛЖИВАЯ ИГРА

АДАМ СКОУ

Адам Сноу Лживая Игра

<https://litres.ru/74665254>

SelfPub; 2026

Аннотация

Лицо можно научить врать. Руки — спрятать в карманы. Но ноги под всегда выдадут ваш главный страх.

Итан Гласс — самый дорогой верификатор в Нью-Йорке. Он читает людей как открытую книгу, и его услуги стоят пять миллионов долларов. Когда накануне сделки века погибает гениальный разработчик системы «Кассандра», к Итану приходят сразу с двух сторон: корпоративные гиганты и разведка США.

Шесть подозреваемых. Шесть блестящих умов, которым есть что терять. И ни одного простого ответа — потому что у каждой лжи в этом деле есть пугающе веская причина. Сможет ли Итан найти правду, когда врать начинают даже его заказчики?

Остросюжетный интеллектуальный детектив в духе сериалов «Обмани меня» и «Миллиарды». Новые главы выходят регулярно!

Адам Сноу

Лживая Игра

Глава 1

ГЛАВА 1:

Тишина стоит дорожке

В 6:52 утра Итан Гласс уже знал, что сегодня ему будут врать.

Он не знал только, кто начнёт первым.

Лифт поднял его на шестьдесят третий этаж без единого звука. Когда-то Итан отдельно заплатил за то, чтобы в этой башне не было слышно даже тросов. Двери разошлись, и свет в коридоре включился сам, на секунду раньше, чем он успел шагнуть. Тёплый, мягкий, дорогой. Люди расслабляются в красивых местах и говорят лишнее. Итан заметил это давно и построил на этом половину своего бизнеса.

Весь этаж принадлежал ему. Окна от пола до потолка смотрели на три стороны света, и Нью-Йорк лежал внизу, как макет, который кто-то ещё не успел включить. Жёлтые такси ползли по Парк-авеню. В окнах напротив загорались первые лампы. Тёмный дуб, коричневая кожа, потолок, под который три месяца подбирали акустические панели, чтобы любой шёпот гостя долетал до Итана точно таким, какой он

есть: с придыханием, с паузой, со сбившимся тембром.

Из дальнего конца коридора доносились радио и шарканье швабры.

— Гас, — сказал Итан, не повышая голоса. Здесь не нужно было его повышать.

— О! — Швабра замерла. Из-за угла выглянуло широкое, добродушное лицо с вечно удивлёнными бровями. Гас Мэлоун был в синей рабочей куртке, купленной на его собственные деньги, потому что Итан предлагал ему костюм, а Гас сказал, что в костюме он чувствует себя официантом на похоронах. — Итан! Ты рано. Я тут стол протёр.

— Какой стол?

— Ну, тот. Большой. Прозрачный.

Итан остановился у двери большой переговорной и посмотрел на стол. Это была цельная плита закалённого стекла длиной в четырнадцать футов на чёрных стальных опорах. Сейчас она сияла так, будто её только что вынули из-под воды, и по всей поверхности шли ровные, уверенные, абсолютно синие разводы.

— Чем ты его протирал?

— Средством для окон. — Гас гордо выпрямился. — Шесть лет им протираю. Ни разу не разбил.

— Это радует.

— Ну, вазу один раз.

— Я помню про вазу.

Он действительно помнил. Ваза была из Мурано, стояла

сорок тысяч долларов, и Гас, разбив её, плакал так искренне, что Итан три часа его утешал. Потом он поставил на её место пластиковую пальму из магазина всё за доллар и сказал, что всегда мечтал о пальме.

Итан обошёл стол и провёл пальцем по краю.

Этот стол стоил ему шестьдесят тысяч долларов, и покупал он его не ради красоты. Люди врут лицом, потому что их учили этому с трёх лет: «Скажи тёте спасибо», «Улыбнись, не дуйся». Лицо у каждого отрепетировано лучше, чем речь на выпускном. Руки тоже кое-как обучены: их прячут в карманы, кладут на колени, складывают в замок. А про ноги никто не думает. Ноги живут своей жизнью, они всё ещё слушаются древней части мозга, которая отвечает за одно: *как отсюда выбраться, если станет плохо*. Под деревянным столом ноги спрятаны. Под стеклянным стоят на виду.

— Сегодня кто? — спросил Гас, пристраивая швабру в угол и вытирая руки о куртку. Он спрашивал это каждое утро, с тем же интересом, с каким другие спрашивают, какая будет погода.

— Двое. В десять. Одновременно.

— Они знают?

— Нет.

— А это плохо?

Итан улыбнулся. Улыбался он редко, и от этого каждая улыбка казалась подарком.

— Плохо, Гас, это когда скучно. А тут будет интересно.

— Это ты так говоришь, когда нас в итоге хотят засудить,

— осторожно напомнил Гас.

— Это я так говорю всегда.

Гас задумался, кивнул и пошёл искать, что бы ещё протереть.

Итан смотрел ему вслед и думал о том, о чём иногда думал по утрам. Гас был единственным человеком в этом городе, чью ложь Итан не мог прочитать. Дело было не в том, что Гас хорошо врал. Просто Гас не врал вообще. Даже в мелочах, даже из вежливости, даже когда это было бы удобнее. У него на лице всё всегда было написано заранее, за секунду до слов. В профессии Итана это называлось «чистой базовой линией». В жизни это называлось «друг».

Сам Итан обычно не пользовался таким словом, но для Гаса делал исключение.

Дейзи пришла в 9:26.

Итан слышал её ещё до того, как увидел: по коридору, как всегда, неслась музыка из наушников, достаточно громкая, чтобы её слышали все, кроме самой Дейзи. Потом хлопнула дверь, и музыка стала тише. Это значило, что наушники теперь висели на шее.

— Привет, брат, — сказала Дейзи, проходя мимо его кабинета и не останавливаясь. Ей было двадцать три. На ней была огромная серая толстовка, джинсы с дырой на колене, в одной руке стаканчик с ледяным кофе размером с ведро,

в другой телефон. Челюсти непрерывно двигались: жвачка. Ресепшен она занимала с таким видом, будто он достался ей по наследству от дальнего родственника, о котором она слышала только плохое.

— Ты опоздала на двадцать шесть минут.

— Двадцать четыре. Я зашла в подъезд в 9:02, просто там лифт.

— Лифт идёт тридцать секунд.

— Там была очередь, — сказала Дейзи с таким достоинством, что Итан понял: очередь была в её голове, в виде нерешённого вопроса, брать ли второй кофе.

Он не стал спорить. Он давно перестал спорить с сестрой по мелочам. В этом доме Дейзи была единственным человеком, которому можно не нравиться Итану. Она не боялась его, не восхищалась им, не пыталась ему понравиться и не просила денег. Когда-то Итан спросил себя, почему это так важно, и ответил: потому что она — единственный человек, который видит в нём не профессию. Она помнила, как он в четырнадцать боялся грозы и прятался в её детской комнате, а она, пятилетняя, гладила его по голове и говорила: «Не бойся, это просто небо ругается».

— Слушай внимательно, — сказал он. — В десять придут двое. Первая, Элеонор Ривз, она адвокат. Второй, Гарретт Уэйд, он из Вашингтона. Ты посадишь их в большую переговорную. Вместе.

Дейзи перестала жевать.

— Вместе?

— Вместе.

— Они что, друзья?

— Нет.

— А они знают, что вместе?

— Нет.

Дейзи оценила эту информацию с лицом человека, которому только что сообщили, что в зале будет два дирижёра, и сказали не волноваться.

— Это будет жутко, — констатировала она.

— Именно.

— Ну ладно. А им что говорить?

— Ничего. Скажешь: «Он скоро». И всё.

— Воды предлагать?

— Нет.

— Совсем?

— Вода — это способ почувствовать себя как дома, — сказал Итан. — А я не хочу, чтобы они чувствовали себя как дома.

— А если они спросят?

— Скажешь правду.

— Это я могу, — серьёзно кивнула Дейзи.

— Знаю. Поэтому тебя и спрашиваю.

Она отвернулась к экрану телефона, но через секунду бросила, не поднимая глаз:

— Этот, который из Вашингтона, он по телефону назвал

меня «барышня».

— И что ты ответила?

— Сказала: «Дейзи».

— Он что?

— Помолчал и сказал: «Дейзи, соедините меня с мистером Глассом». А я сказала, что мистер Гласс на встрече. А он сказал, что понимает. — Она задумалась. — Он какой-то слишком вежливый. Так мама говорит про людей, у которых что-то не так с совестью.

Итан хотел ответить, но не нашёл ничего умнее, чем:

— Спасибо, Дейзи.

— Пожалуйста. Мне, кстати, нужна прибавка.

— У тебя двести тысяч в год.

— Вот и я говорю, — вздохнула Дейзи. — Инфляция.

В 9:56 вышла из лифта Элеонор Ривз.

Итан смотрел на неё через экран одной из внутренних камер ресепшена и знал, что в ту же секунду она знает, что на неё смотрят. Такие люди всегда знают.

Ей было пятьдесят восемь. Серебряные волосы, подстриженные строго по линии челюсти, тёмно-синий костюм цвета сумерек, нитка жемчуга на шее. Она держала кожаную папку так, как держат оружие: не крепко и не слабо, а ровно настолько, чтобы никто не усомнился, кто здесь хозяин папки. Элеонор Ривз была управляющим партнёром фирмы «Ривз и партнёры», которая в последние двадцать лет сопро-

вождала самые крупные корпоративные сделки страны. Про неё писали, что она не проиграла ни одного дела в суде и ни одного не довела до суда, и обе эти фразы были лестью, потому что обе были правдой.

Она приехала на четыре минуты раньше. Это был расчёт. Опоздание — слабость, ровно в срок — вежливость, раньше срока — заявка на территорию.

В 9:58 появился второй.

Гарретт Уэйд не стал заходить в лифт первым. Итан заметил это: когда двери открылись, Уэйд подождал, пока из лифта выйдут двое сотрудников соседней фирмы, и лишь потом шагнул вперёд. Военная привычка: пропустить людей, посмотреть, что за спиной. Ему было пятьдесят четыре. Короткие седые волосы, тяжёлые плечи, серый костюм из тех, что покупают в обычном универмаге, потому что государство платит меньше, чем кажется. На безымянном пальце старое обручальное кольцо стёрлось до матового. Он не нёс ни папки, ни телефона, и это было красноречивее любой папки: человек, который пришёл с пустыми руками, обычно хочет, чтобы ему верили на слово.

Итан отключил экран и повернулся к Гасу, который как раз вносил в кабинет поднос с печеньем.

— Это что?

— Овсяное. Дейзи сказала, воды нельзя. Про печенье она ничего не говорила.

— Гас, ты чудо.

— Я знаю, — просто сказал Гас.

Итан взял одно печенье, надкусил и подумал, что с печеньем люди не чувствуют себя как дома, они чувствуют себя как на кухне у бабушки, а это совсем другое. Но поднос он оставил на столе.

Одна стена большой переговорной выходила в его кабинет. С их стороны она была зеркалом, с его — стеклом. Итан не любил этот приём и никому в жизни не гордился им хвастаться. Но он давно понял одну вещь: человек, который думает, что на него никто не смотрит, ведёт себя так, как он ведёт себя на самом деле. Каждый гость при входе подписывал бумаги, где на седьмой странице мелким шрифтом сообщалось, что помещения оборудованы системой наблюдения. Никто не читал седьмую страницу. Итан считал, что это нечестно, и считал, что это необходимо, и привык жить с обоими утверждениями сразу.

Он стоял в полутьме кабинета, засунув руки в карманы брюк, и смотрел.

Дейзи привела их с разницей в две минуты. Первой — Ривз. Ту она встретила так:

— Здравсьте, Элеонор. Вам туда. Он скоро. Воды не будет, не спрашивайте.

Ривз приподняла бровь на полмиллиметра и ничего не ответила. Она вошла, огляделась, выбрала место у дальнего конца стола, положила папку, а телефон перевернула экра-

ном вниз. Села. Скрестила щиколотки. Сложила руки на папке.

Итан отметил для себя: *спокойна. Слишком спокойна для человека, которого оставили ждать без воды.* Тот, кто не взволнован, обычно оглядывает комнату дважды: сначала на входе, потом через минуту, когда считает, что его никто не видит. Ривз осмотрела комнату один раз и села. Значит, она пришла уже подготовленной. Значит, она с самого начала ожидала, что её будут выводить из равновесия, и решила в этот раз не поддаваться.

Через две минуты Дейзи привела Уэйда:

— Здрасьте. Вам сюда. Он скоро. Воды нет. А тётя уже сидит, вы не переживайте.

— Благодарю вас, Дейзи, — ровно сказал Уэйд.

Он вошёл. Остановился. И вот на этой секунде Итан перестал дышать почти физически, потому что ради неё он и затеял всё это.

Пока Уэйд стоял в дверях, его лицо сделало то, что лица делают, когда человек не успел вовремя надеть маску. Правый уголок рта поднялся вверх и чуть вбок, на долю секунды, не больше. Односторонняя ухмылка. Презрение, чистое, без примесей. Тот самый единственный случай среди микровыражений, когда эмоция проходит не симметрично, потому что презрение всегда оценка, а оценка — работа одной половины лица. Потом лицо Уэйда пригладилось, стало вежливым, и он сказал:

— Миссис Ривз.

— Мистер Уэйд, — сказала Ривз.

Итан не слышал в её голосе ни удивления, ни вопроса. Она тоже знала, с кем встретится. Или ожидала кого-то подобного.

Значит, оба были готовы, — подумал он. — Но каждый думал, что готов один.

Уэйд подошёл к столу и сел ближе к двери. Это было важно. Ривз сидела у окна, а он — ближе к выходу. Уэйд не доверял комнате. Итан взглянул вниз, на стеклянную поверхность. Ноги Ривз были скрещены в щиколотках, расслабленно и красиво, как на картинке в журнале о деловом этикете. Ноги Уэйда стояли рядом, ровно, носки смотрели в сторону двери.

Три минуты в комнате стояла тишина.

Это были самые дорогие три минуты за весь день, и Итан не взял за них ни цента. Он никуда не спешил. Он считал, как моргает Ривз: примерно пятнадцать раз в минуту, нормально, а в момент, когда Уэйд садился, один раз быстрее обычного, двойное моргание. Он считал, как дышит Уэйд: ровно, грудью, без заметных пауз, как человек, привыкший спать три часа и ждать часами. У Ривз пальцы лежали на папке спокойно. Но один раз она провела большим пальцем по ногтю указательного, медленно, и Итан про себя назвал это «успокоительным жестом». Не нервным, нет. Тем, который человек делает сам себе, чтобы сказать: *держись*.

— Вы ведь тоже ждёте, пока он соизволит выйти, — наконец сказала Ривз.

— Ожидание — это единственное, что в Вашингтоне делают бесплатно и качественно. Привыкайте.

Они одновременно замолчали, и Итан впервые за утро подумал, что оба умны ровно настолько, чтобы будущее его не раздражало.

Через секунду Ривз добавила:

— Вы из Агентства.

— А вы из той фирмы, которая объясняет Агентству, чего оно не имеет права знать.

— Я бы сказала мягче, — заметила Ривз. — Мы объясняем, что именно оно имеет право знать.

Лёгкая улыбка. Губы поднялись, но мышцы вокруг глаз остались неподвижными. Принято считать, что по глазам искренняя улыбка отличается от вежливой: настоящая морщит кожу у внешних уголков, а притворная только растягивает рот. Только Итан давно знал, что это правило работает хуже, чем о нём рассказывают, потому что хорошие актёры умеют включать и эти мышцы, как свет. Улыбка Ривз была слишком ровной. Но это ещё не ложь. Это просто работа.

Он вышел из своего кабинета, поправил манжеты и открыл дверь переговорной.

— Прошу прощения за ожидание, — сказал Итан. — Моя сестра считает, что люди, которые друг другу не нравятся,

лучше всего знакомятся в тишине.

— Ваша сестра, — отозвалась Ривз, — предложила мне не просить воды.

— Она ещё предложила бы вам не просить многого, — сказал Итан. — Но я надеюсь, что у вас получится и без этого.

Он прошёл вдоль стола. Рукопожатие с Ривз: сухая ладонь, короткое, без нажима, ровно столько, сколько нужно для уважения без интимности. Рукопожатие с Уэйдом: крепкое, тяжёлое, чуть длиннее, чем принято, как у человека, который привык проверять противника хватом. Итан отметил оба и сел во главе стола, на самом дальнем от двери месте. Оттуда он видел всё: лица, руки и ноги, потому что стол стеклянный.

— Начну с правил, — сказал он. — Их три, и они не обсуждаются.

Он не любил начинать так, но любил, как это действует на людей: на секунду они перестают думать о себе и начинают думать о нём.

— Первое: я не работаю на политику. Вообще. Ни на тех, ни на других. Если мне позвонит человек, который хочет, чтобы я повлиял на то, как будет голосовать страна, я не соглашусь ни при каких обстоятельствах. Второе: я не работаю на тех, кто живёт вне закона. Мафия, картели, люди, которые решают вопросы чужими руками в тёмных переулках, — не ко мне. И те, кто хочет, чтобы я помог освободить убийцу,

— тоже. Третье: я не выясняю, кто с кем спал.

Ривз чуть приподняла уголок рта.

— Вы это объявляете всем?

— Всем. Потому что каждый второй клиент хочет начать с третьего.

— У нас нет ничего подобного, — сказала она.

— У всех нет, — согласился Итан. — Пока я не начинаю читать.

Уэйд сказал:

— Нас интересует только безопасность.

— «Безопасность», — повторил Итан. — В Вашингтоне это слово обычно означает одно и то же, что и «политика», только в хорошем костюме.

— Не в моём отделе.

— Все так говорят, пока им не звонят сверху.

Лёгкая пауза. Уэйд не ответил. Он только слегка подвинул плечи, как человек, у которого затёк воротник, и Итан не стал это записывать: это могло быть чем угодно.

— И ещё одно, — сказал Итан. — Я хочу, чтобы вы оба поняли, как я работаю. Я не нахожу лжеца по глазам. Говорят, что человек, который лжёт, смотрит вправо и вверх. Если бы это работало, у меня была бы другая профессия: фокусник. Глаза уходят туда, где человек вспоминает или придумывает, и разница между ними зависит от самого человека, а не от того, правда это или нет. Говорят ещё про скрещённые руки. Иногда человеку просто холодно. — Он посмотрел на

потолок. — Поэтому в этой комнате двадцать один градус, всегда и для всех. Чтобы холод не врал вместо вас.

— То есть вы не будете смотреть мне в глаза? — спросила Ривз.

— Буду. Но не за тем, о чём вы подумали. Первые десять минут я вообще не ищу ложь. Я задаю вам вопросы, на которые вам незачем врать. Как добрались. Что ели. Как зовут вашу собаку. Я смотрю, как вы дышите, как моргаете, как двигаете плечами. А потом спрашиваю то, ради чего вы пришли, — и смотрю, что изменилось.

— То есть вы нас уже читаете, — спокойно сказал Уэйд.

— С момента, когда вы вошли в здание.

Это была правда, и Уэйд понял это. Итан видел: на секунду зрачки Уэйда сузились, потом вернулись обратно. Не страх. Скорее, как у человека, который услышал в чужом голосе знакомую интонацию.

— Хорошо, — сказал Уэйд. — Раз уж мы оба здесь, давайте перестанем делать вид, что не знаем, зачем.

— Давайте, — сказала Ривз. — Начните.

— Нет, — сказал Итан. — Начнёт она.

Ривз повернула к нему голову.

— Вы уверены?

— Нет. Но так будет интереснее.

Она говорила хорошо.

Итан слушал её с тем вниманием, с каким другие слуша-

ют музыку, и одновременно с тем, с каким хирург смотрит на разрез. Ривз знала, как строить фразы: коротко, без лишних прилагательных, каждое предложение закрывало дверь за предыдущим.

«Ориэль Системс». Компания из Бостона, двенадцать лет на рынке. Её главный продукт, система искусственного интеллекта, получила название «Кассандра». Она читает снимки, анализы, истории болезней и за секунды выдаёт врачу короткий список того, что надо проверить в первую очередь. Сегодня «Кассандру» используют в тысяче четырёхстах больницах по всей стране. По внутренним оценкам компании, за последние три года она помогла вовремя заметить диагнозы у ста восьмидесяти тысяч человек, которых иначе заметили бы слишком поздно.

— Через одиннадцать дней «Ориэль» должна быть продана «Вестлейк Групп», — сказала Ривз. — Сто восемьдесят миллиардов долларов. Крупнейшая сделка в истории отрасли. Тридцать девять тысяч сотрудников, которые перейдут под новую крышу. Совет директоров «Ориэль» подписал основные условия шесть недель назад.

— А девятнадцать дней назад умер Дэниел Рот, — сказал Итан.

Он не спрашивал. Он говорил это, как говорят в церкви перед тем, как помолчать, и сам опустил на секунду глаза. Привычка с детства: когда-то в воскресенье, прежде чем что-то сказать о покойном, в их церкви полагалось сначала по-

молчать. Он давно не думал, откуда это у него, но тело помнило.

Ривз сделала паузу и подняла глаза на Итана. Он поймал это движение: её веки чуть дёрнулись, и внутренние уголки бровей на мгновение поднялись и сошлись. Крошечное, почти невидимое. Если бы Итан не следил, он бы не заметил. Эту мышечную комбинацию он знал: она означает печаль. Или вину. Или хорошую актёрскую работу.

Скорбь? — подумал он. — Или умная женщина вспомнила, что скорбь здесь будет уместна?

Он не знал. И это его раздражало больше всего.

— Да, — сказала Ривз. — Доктор Рот был главным архитектором «Кассандры». Сорок четыре года. Он упал с балкона своей квартиры в Бруклин-Хайтс девятнадцать дней назад, поздно вечером. Двенадцатый этаж. Полиция квалифицировала это как несчастный случай. Вскрытие не нашло ничего необычного. На балконе не было следов борьбы. Он был один.

— Был, — сказал Итан. — Кто знал, что он был один?

— Консьерж видел, как он вошёл, и никого за ним. Камеры в лифте и на лестнице не зафиксировали посторонних.

— Хорошо. Это всё, что вы знаете?

— Это всё, что известно следствию.

Итан отметил про себя: ответ был построен ровно как нужно. Не «это всё, что знаю я». Но он промолчал.

— Что вы хотите от меня? — спросил он.

— Верификации, — сказала Ривз. — «Вестлейк» потребовала независимого подтверждения того, что за последние месяцы руководство «Ориэль» не вводило в заблуждение ни совет директоров, ни аудиторов, ни друг друга. Формально это стандартная часть проверки перед закрытием сделки. Неформально смерть Рота сделала «Вестлейк» подозрительной. Совет «Ориэль» принял решение пригласить вас. Пять человек из высшего руководства: генеральный директор, финансовый директор, главный юрист, главный врач компании и преемник Рота. Вы проведёте с каждым по несколько часов и скажете нам, говорят ли они правду.

— Вам, — повторил Итан.

— Совету.

— Вы просите меня подтвердить, что все честны, — мягко сказал Итан. — Значит, вы уже решили, каким должен быть результат.

— Я прошу вас найти правду.

— Вы просите это вслух. Но платите вы за отчёт, с которым сделка закрывается.

Ривз промолчала. Губы чуть сжались, стали тоньше. Итан видел это внимательно: не те губы, которые прикусывают от сомнения, а те, что стягиваются, когда человек подавляет гнев. Он ударил точно. Не по лжи, а по тому, что стояло за ней.

— Мистер Гласс, — сказала она ровно. — Мне говорили, что вы не любите, когда вам объясняют, что вам нужно ду-

мать.

— Мне говорили, что вы не любите, когда вам говорят, о чём вы думаете, — ответил Итан. — Так что мы квиты.

В углу рта Уэйда что-то дрогнуло, но тот оставил это при себе.

— Теперь вы, — сказал Итан.

Уэйд переплёл пальцы на столе. Говорил он медленнее, чем Ривз, и как-то по-другому: не защищаясь, но и не наступая, как человек, который расставляет предметы на столе, чтобы потом их можно было быстро найти.

— «Кассандра» работает не только в гражданских больницах, — сказал он. — Она в госпиталях Управления по делам ветеранов. Она в системах, которые правительство не называет публично. Три года назад военные заказали на её основе версию для полевой медицины. Пять месяцев назад появился ещё один заказчик, и его я тоже не назову.

— Значит, она ещё и стратегическая.

— Значит, мы не можем позволить себе не знать, кто и что с ней делает.

— Вы думаете, что Рота убили.

— Мы не утверждаем, что это не несчастный случай. Мы не утверждаем и обратного.

— Это политика? — спросил Итан.

— Это инфраструктура.

— Это одно и то же.

— Нет, — сказал Уэйд. Он произнёс это очень спокойно, и Итан понял, что его перебили не впервые за этот год. — Политика — это когда решают, кто будет править. Инфраструктура — это когда решают, будет ли вода в кране. Меня второе.

Итан посмотрел на него дольше, чем было вежливо. Потом кивнул.

— Что вам нужно?

— Нам нужно знать, говорил ли кто-то из людей «Ориэль» с кем-то, с кем не должен был. До смерти Рота и после.

— С кем?

— Если бы я мог назвать, меня бы здесь не было.

— Почему вы не посадили их на полиграф?

Это был вопрос, который Итан ждал. Он видел, как Уэйд отвечал на него уже не раз, и каждый раз ему это не нравилось.

— Это гражданские люди, — сказал Уэйд. — Они вправе отказаться. Они, кстати, и отказались бы: юристы «Ориэль» выставили бы нам счёт за каждый провод, подключённый к их клиенту. А вас нанимает компания. Вас они впустят.

— То есть вы не можете их допрашивать, поэтому хотите, чтобы я допрашивал за вас.

— Я хочу, чтобы вы читали их, — сказал Уэйд. — И чтобы потом я прочитал то, что читаете вы.

— Нет, — сразу сказала Ривз.

— Миссис Ривз, у нас общая цель, — сказал Уэйд.

— У нас разные клиенты. — Она не повысила голос.
— Моё поручение — совет директоров «Ориэль». Всё, что узнает мистер Гласс, принадлежит им. Не вам. Не Агентству. Если я позволю передать отчёт на сторону, я нарушу обязательства перед клиентом.

— А если в отчёте окажется то, что ваш клиент должен был сообщить правительству ещё вчера?

— Тогда клиент решит это сам, и мы это обсудим в рамках закона.

— Вы тянете время.

— Я защищаю процедуру.

— Хватит, — сказал Итан.

Он не повысил голос. Он только подвинул ладонь по стеклянному столу на дюйм, и оба замолчали. Власть не кричит. Власть просто двигает рукой в тишине, и тишина слушается.

— Вот как это будет, — сказал Итан. — Отчёт я напишу один. Прочтёт его тот, кого я выберу. И пока я не решил, кто это будет.

— Это неприемлемо, — сказала Ривз.

— Это не обсуждается, — сказал Уэйд тихо, и в его тоне впервые появилась сталь.

— Тогда дверь там, — сказал Итан. — Оба. Я никому не скажу, что вы приходили. Хотя, подозреваю, оба расскажете.

Он откинулся на спинку кресла и стал ждать. Это было самое интересное мгновение: все трое знали, что оба нуждаются в нём больше, чем он в них, и всё же никто не встал.

Итан смотрел вниз, сквозь стекло. Ноги Ривз передвинулись: левая медленно скользнула под стул, подальше от стола, словно собиралась отступить. Лицо при этом осталось неподвижным. У Уэйда носки ботинок по-прежнему смотрели на дверь, но пятки чуть приподнялись над полом. Готовность. Не к бегству, к броску.

— Ладно, — сказала Ривз.

— Ладно, — сказал Уэйд.

— Хорошо, — сказал Итан. — Теперь о деньгах.

— Пять миллионов долларов за первую неделю, — сказал он. — Предоплата. Возврату не подлежит. Если понадобится больше времени, ещё два за каждую следующую.

Ривз издала звук, который в другом человеке был бы смехом.

— Это грабёж.

— Это страховка, — сказал Итан. — От того, что ваши люди окажутся честнее, чем вы думаете.

— У правительства есть расценки, — вставил Уэйд.

— Тогда у правительства есть выбор: расценки или результат.

Короткая тишина. Ривз смотрела на него с холодным удовольствием: она узнала что-то, чего ожидала, и это подтверждение ей понравилось.

— Мне говорили, что вы дорогой, — произнесла она.

— Мне говорили, что вы быстрая, — ответил Итан. —

Подпишите.

На столе лежали два договора. Одну бумагу Дейзи принесла минуту назад вместе с тремя ручками, потому что «две бы потерялись». Итан подвинул листы по стеклу, и оба подписали, не читая, потому что оба знали, что читать там нечего: договор был одинаковый для всех, как и всё, что делал Итан Гласс, кроме последнего шага.

— Прежде чем вы уйдёте, — сказал он. — Мне нужно задать вам по несколько вопросов. Каждому отдельно. Но при другом.

— Зачем? — спросил Уэйд.

— Потому что человек, который врёт при свидетеле, делает это иначе, чем в одиночку.

Он повернулся к Ривз:

— Что вы ели сегодня на завтрак?

— Кофе и тост.

— Какой кофе?

— Чёрный.

— Вы всегда пьёте чёрный?

— Нет, обычно с молоком. Но сегодня молоко кончилось.

— Она ответила без паузы, с лёгким раздражением, как человек, которого спросили то, что ему кажется ненужным.

— Спасибо, — сказал Итан и сделал вид, что вопрос закрыт. На самом деле он только что получил то, что хотел: как Ривз выглядит, когда говорит правду о пустяке. Плечи ровные. Голос не меняется. Брови не двигаются. Дыхание на вы-

дохе, спокойное. Большой палец лежит на папке неподвижно.

— Мистер Уэйд. Вы были знакомы с доктором Ротом лично?

— Нет.

— Никогда не встречались?

— Ни разу.

— А слышали его голос?

Пауза. Секунда. Короткая, но Итан заметил: пока Уэйд решал, что ответить, его нога под стеклом стала совершенно неподвижной. Не напряжённой, а именно замершей, будто её выключили. Замри. Третий инстинкт после «беги» и «бей». Тело, которое чувствует опасность, но не знает, откуда она.

— Да, — сказал Уэйд. — В записи.

— В чьей записи?

— Закрытой.

— Значит, вы слушали чей-то телефон.

— Мы слушали не его.

— Чей?

— Это закрытая информация.

Итан кивнул. Он не стал давить. Он только повернул голову и посмотрел на Ривз, потому что её реакция была важнее.

Ривз сидела неподвижно. Как статуя, как человек, которого застали посреди движения. Пальцы правой руки поднялись к горлу и легли на жемчужную нитку, прикрыв ямку между ключицами, ту самую, которую люди инстинктив-

но закрывают, когда чувствуют угрозу. Руки закрывают самое уязвимое место, и ни один тренинг по публичным выступлениям не отучает от этого. Потом она опустила руку. Внутренние уголки бровей снова на мгновение поднялись и сошлись, как тогда, когда он назвал имя Рота. Итан поймал это второй раз.

Это было не удивление. Удивление поднимает брови целиком, дугой. А это... — Он не закончил мысль. — Страх? Нет. Страх открывает глаза шире. А здесь глаза наоборот чуть прикрылись. Горе? Но горе не вспыхивает от слов «мы слушали не его».

Он не знал. Он записал это в графу «вопросы» и пошёл дальше.

— Миссис Ривз. Рот оставил после себя какие-нибудь документы?

— Мистер Гласс, всё, чем «Ориэль» владеет, находится под контролем компании.

— Я не спрашивал, чем владеет компания. Я спросил, оставил ли Рот документы.

— Мне ничего об этом не известно.

Итан слушал. Это был не ответ. Это была форма, в которую вставили ответ. *Мне ничего не известно* вместо *нет*. *Находится под контролем* вместо *я не видела*. Из фразы исчезло «я», и это было красноречивее любого слова: человек, который говорит правду, обычно стоит в своём предложении, а человек, который стоит рядом с ним, прячется за пассивным

залогом. Голос на последнем слове чуть-чуть, на половину тона, поднялся вверх. Ривз сглотнула, быстро, один раз.

Он нарочно не стал ловить её на этом. Это ещё не значит, что она лгала. Это значит, что ей важно, чтобы он не спросил дальше. Но почему? Из страха, что узнает он? Или из страха, что узнает человек справа?

— Благодарю, — сказал Итан.

— Что-нибудь ещё? — спросила Ривз.

— Только одно. Что вы знаете о последних трёх днях Рота?

— Он работал. Как обычно, до ночи, — сказала Ривз. — Он был из тех, кто всё хранит в голове. Личных записей он не вёл.

Итан кивнул и повернулся к Уэйду:

— А вы? Что вы знаете о его последних днях?

— Достаточно, чтобы быть здесь, — сказал Уэйд. — Личных архивов Рота у нас нет.

Итан улыбнулся, вежливо и ровно.

Никто из них не отвёл взгляд. Никто не показал ничего подозрительного. Но он только что услышал одну и ту же фразу в двух разных костюмах, и ни один из них не был спрошен про «записи» и «архивы».

Она заговорила в самом конце, когда все уже встали.

— Список, — сказала Ривз и открыла папку. — Пять человек, о которых я говорила. Совет директоров согласен на

встречи в течение этой недели. Расписание у вас на столе. Каждому из них предупреждено, что разговор конфиденциален и добровольный.

Она подвинула по стеклу лист с пятью строками.

Уэйд молча достал из внутреннего кармана пиджака сложенную карточку. Тоже подвинул по стеклу. Итан развернул её.

Шесть имён.

Первые пять совпадали с листом Ривз: генеральный директор Мередит Кросс, финансовый директор, главный юрист, главный врач, преемник Рота. Шестое имя стояло в конце, написанное от руки.

Элеонор Ривз.

Итан не стал смотреть на Уэйда. Он смотрел на Ривз.

Она читала карточку, перевёрнутую для неё вверх ногами, потому что умела читать так быстро, что это даже не казалось трюком. И в этот момент на её лице произошло то, чего Итан не ожидал.

Ничего.

Не вспыхнул гнев. Не дрогнули веки. Ни побледнеть, ни покраснеть, ни скривиться. Лицо осталось таким же ровным, как её волосы. Только она на секунду, ровно на секунду, перестала дышать. Не заметно для других, он бы и сам не заметил, если бы не смотрел на её горло. Ни глоток, ни вдох. Замерла.

А потом губы тронула улыбка, на этот раз настоящая.

Она ожидала этого. Или хотела, чтобы он так думал.

— Вы не станете читать меня, мистер Гласс, — сказала Ривз тихо.

— Я читаю вас с того момента, как вы вошли.

— Я адвокат совета. Я не свидетель.

— Вы человек, который знает больше, чем говорит. Все в этом списке такие.

— Это ловушка, — сказала она, не обращаясь к Уэйду, но так, чтобы тот слышал.

— Нет, — сказал Итан. — Это условие. Я прочту всех, кто в списке. Особенно тех, кто думает, что им там не место.

— А если я откажусь?

— Тогда я не возьмусь за дело.

Тишина. Она длилась три секунды, он считал. Три секунды она смотрела на карточку, на него, на Уэйда, потом снова на него.

— Шесть, — сказала Ривз.

— Шесть.

— Мистер Уэйд, вы очень упрямы, — заметила она, не оборачиваясь.

— Я очень внимателен, миссис Ривз, — ответил он.

Дейзи появилась в дверях ровно в ту секунду, когда Итан собирался поставить точку. Она что-то жевала, смотрела в телефон и говорила так, будто читала с экрана вслух:

— Ага, всё. Вас внизу ждёт машина, Элеонор. Ваша, водитель у входа. А вас, генерал, такси.

— Я не генерал, — сказал Уэйд.

— А. — Дейзи подняла глаза. — Ну тогда ладно. До свидания.

Итан увидел, как у Ривз быстро, почти против воли, дёрнулся уголок рта. Не улыбка, а то, что бывает, когда смех пробивается сквозь запрет и тут же проваливается обратно. Это длилось полсекунды. Дальше лицо стало прежним. Холодным, красивым, как закрытая дверь.

Они ушли по очереди, с разницей в минуту. Никто не сказал друг другу ни слова.

Вечером, в начале девятого, Итан сидел на полу своего кабинета.

Пиджак висел на спинке кресла, галстук лежал рядом, как сброшенная кожа. Через панорамные окна на него смотрел Нью-Йорк, зажжённый, равнодушный, красивый, как всегда в такие часы. Рядом по-турецки сидел Гас и разворачивал бумажные пакеты. Бургеры были из той забегаловки на Тридцать четвёртой, где жарят котлеты на настоящем огне и до сих пор не знают, кто такой Итан Гласс.

— С двойным сыром, — сказал Гас. — Тебе с двойным. Ты сегодня заслужил.

— Я ничего не сделал.

— Ты улыбался.

— Когда?

— Утром. Когда сказал, что будет интересно. — Гас пожал

плечами и откусил. — И когда вышли те двое. Я видел. Ты улыбался, как будто тебе подарок принесли.

Итан не ответил. Откусил, пожевал, посмотрел на город.

— Расскажи, — сказал Гас.

— Что рассказать?

— Они ввали?

— Оба.

— Откуда ты знаешь? — Гас сказал это без подозрения, просто с любопытством, как ребёнок спрашивает, почему небо голубое.

Итан вытер пальцы салфеткой. Он долго думал, как это сказать так, чтобы Гас понял. Это была не научная проблема, а человеческая.

— Лжец, Гас, это не тот, кто говорит неправду. Лжец — тот, кто решает, что мне знать, а что нет.

— Как это?

— Я задал Ривз вопрос про документы Рота. Она ответила, что у «Ориэль» всё под контролем. Потом я спросил у неё про последние дни Рота, и она сказала, что личных записей он не вёл. Я про записи не спрашивал. Я спросил, чем он занимался. — Итан поднял палец. — А Уэйд, когда я спросил у него про последние дни Рота, сказал, что у них нет личных архивов. Тоже не про то, о чём я просил.

— И что?

— Правда не защищается от вопросов, которых ей не задавали. Невинный отвечает на то, о чём спрашивают. А

виновный отвечает на тот вопрос, который боится услышать.

Гас перестал жевать. Он думал. Лицо у него в такие минуты становилось задумчивым, как у большой собаки, которая пытается понять, почему хозяин смотрит на часы.

— То есть они оба боятся, что кто-то найдёт его записи?

— Я думаю, Рот что-то оставил, — сказал Итан. — И оба пришли ко мне не потому, что хотят знать правду. А потому что каждый боится, что другой найдёт это первым.

— А ты найдёшь?

— Я не ищу вещи, Гас. Я читаю людей.

Гас покосился на лежащую на полу карточку Уэйда, где внизу кривым почерком была дописана шестая строчка.

— А с Ривз, которая сегодня приходила? Это ты нарочно, что её тоже в список? Ты же знал?

— Не знал. — Итан усмехнулся. — Это Уэйд. Это он вписал её сам, от руки, до того как пришёл. Значит, он знал, что она там будет. Значит, у него есть причина её подозревать. И, что ещё интереснее, — Итан помедлил, — она не удивилась. Когда я назвал имя Рота, на её лице было что-то странное. Не страх. Не горе. Я не понял.

— Ты не понял? — Гас посмотрел на него с таким неподдельным изумлением, будто Итан сказал, что не понимает, как открывается дверь.

— Бывает, — сказал Итан. — Я же не супермен. И это, между прочим, самое важное в моей работе, чтобы не думать, что я всезнающий.

— А я что говорю, — Гас кивнул с набитым ртом. — Ты не бэтмен. Ты просто очень умный.

Они помолчали. Внизу взвыла сирена и стихла. В окне напротив кто-то закрывал жалюзи. Итан смотрел на этот чужой маленький свет и думал о том, что где-то там, в Бруклин-Хайтс, на двенадцатом этаже, есть балкон, и на нём девятнадцать дней назад стоял человек, о котором не знал никто из этих двоих.

— А ты за кого? — спросил Гас. — Ну, за неё или за него?

— Ни за кого.

— Так нельзя. Надо за кого-то.

— Нельзя, — согласился Итан. — Но придётся.

Гас дожевал, вытер губы бумажной салфеткой, аккуратно сложил пакет и сказал, так, как говорят о самом простом на свете:

— Ты же хороший человек. Ты правильно решишь.

Итан не ответил. Он смотрел на огни и вдруг вспомнил то, что хотел сказать Ривз утром и не сказал. Когда человек очень хочет, чтобы ему поверили, это ещё не значит, что он лжёт. Это значит только, что ему есть что терять. И это хуже.

Шесть человек. Шесть историй, которые они рассказывали себе так долго, что перестали слышать, как они звучат.

Завтра он их услышит.

И, как всегда, потом ему придётся решить, что с этим делать.